

Герберт Уэллс

Самовластье
мистера Парэма

Перевод с английского
Раисы Облонской

ФТМ

Герберт Уэллс

Самовластье мистера Парэма

«ФТМ»

1930

Уэллс Г. Д.

Самовластье мистера Парэма / Г. Д. Уэллс — «ФТМ», 1930

ISBN 978-5-4467-3404-7

Во время спиритического сеанса в мистера Парэма, старшего преподавателя колледжа, скромного историка и философа, вселяется Великий Дух. За короткое время мистер Парэм завладевает умами англичан, получает официальный титул Верховного лорда и становится фашистским диктатором, самовластно правящим Британской империей. Свергнув действующее правительство, диктатор призывает союзников объединиться и пойти войной на самого грозного соперника – Россию. Начинается Вторая мировая война...

ISBN 978-5-4467-3404-7

© Уэллс Г. Д., 1930

© ФТМ, 1930

Содержание

Книга первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Герберт Уэллс
Самовластье мистера Парэма
Его удивительные приключения
в нашем переменчивом мире

Книга первая
Многообещающая дружба

Глава первая
Знакомит с мистером Парэмом и сэром Басси Вудкоком

Когда сэр Басси Вудкок пригласил мистера Парэма сопровождать его на спиритический сеанс, тот поначалу несколько растерялся.

Мистер Парэм не желал иметь ничего общего с этими сеансами. Но не отказываться же от случая провести вечер в обществе сэра Басси Вудкока!

Сэр Басси Вудкок был одним из тех неотесанных плутократов, с которыми по нынешним временам приходится поддерживать знакомство человеку мыслящему, если у него есть хоть малейшее желание быть не просто зрителем в театре жизни. В наши дни эти богатые авантюристы оказываются необходимым связующим звеном между высокой мыслью и низменной действительностью. Весьма прискорбно, что нельзя избежать этого тягостного и унижительного посредничества, но в нашем непостижимом мире без этого, видно, не обойтись. Человек мысли и человек действия необходимы друг другу, во всяком случае, человеку мысли это сотрудничество необходимо. Платону, Конфуцию, Макиавелли – всем им пришлось искать своего государя. В наши дни, когда обходятся без государей, мыслителям надо всячески добиваться поддержки богачей.

Богачей, пригодных для этой цели, найти не так-то просто, да к тому же с ними зачастую очень нелегко иметь дело. В сэре Басси, например, много такого, чего не вынес бы человек высокого интеллекта, не умея он в совершенстве владеть собой. Сэр Басси – румяный, веснушчатый коротышка, нос у него вылеплен небрежно и резко, в манере современных скульпторов, рот прорезан кое-как; он коренаст, что уже само по себе раздражает его высокого, стройного собеседника; двигается сэр Басси быстро и порывисто, что нередко отпугивает людей и всегда свидетельствует о полном отсутствии сдержанности, без чего невозможно представить себе культурного человека. По всем его повадкам сразу видно, что он – как бы это сказать – прожорлив. В разговоре он не терпит ни минуты молчания, ни за что не даст вам выдержать внушительную паузу, а мистер Парэм, издавна привыкший беседовать с бессловесными студентами, чем-чем, а уж искусством паузы владел мастерски. И речи мистера Парэма очень сильно проигрывали, если его лишали возможности многозначительно помолчать. Но сэр Басси ничего в этом не смыслил. Стоило многозначительно замолчать, как он тут же переспрашивал: «Как вы сказали?» – и все пропадало. Любимое его присловье было «поди ты». Он то и дело повторял его на все лады, ни к кому в отдельности не обращаясь. Присловье это ровно ничего не значило, а впрочем – и это куда неприятнее, – могло означать все что угодно.

Происхождения он был самого скромного. Отец его – лондонский извозчик, мать – сиделка в туберкулезной больнице в Хэмпстеде (имя «Басси» она позаимствовала у одного

из самых дорогих ее сердцу больных), а сын, уже в четырнадцать лет одержимый честолюбивыми замыслами, решил не тратить силы на популярные лекции в университете и нанялся к болтливому рекламному агенту, ибо, как он выразился, «от этой чепухи нет никакого проку». «Чепуха» – это, с вашего позволения, были Вордсворт, Реформация, Морфология растений и Экономическая история в изложении мрачно-насмешливых молодых джентльменов с изощренным умом, питомцев старейших университетов.

Мистер Парэм, человек терпимый, свободомыслящий, неизменно стремящийся шагать в ногу с временем, всегда старался смотреть на недостатки сэра Басси сквозь пальцы. В сущности, он никогда не забывал о них, но, бывая в обществе сэра Басси, изо всех сил старался забыть. Путь сэра Басси из грязи в князи – одна из многих эпопей, какими изобилует наш век, век бизнеса. Мистер Парэм взял себе за правило держаться от всего этого в стороне.

Таков был сэр Басси. Немногим меньше чем за четверть века, пока мистер Парэм был занят главным образом непреходящими ценностями – и ставил за сочинения о них баллы, – сэр Басси стал хозяином изрядного числа преходящих, но осязаемых благ: тут были бюро рекламы, немало бакалейных и гастрономических лавок, несколько отелей, плантации в тропиках, кино-театры и многое другое, о чем мистер Парэм скорее догадывался, нежели знал. Этими бренными делами сэр Басси занимался в те часы, когда удалялся от света, а случалось, даже во время светских развлечений его вызывали к телефону или деликатно отводили в сторонку невесть откуда взявшиеся таинственные молодые люди. Деятельность эта, мистеру Парэму не очень понятная, позволяла сэру Басси наслаждаться всеми благами неопикуемой роскоши в атмосфере всеобщей покорности и раболепия, прикрытого позой благородства, что могло бы повергнуть в трепет человека, наделенного умом не столь ясным и тонким, каким наделен был мистер Парэм. Стоило сэру Басси показаться в дверях среди ночи – и из тьмы тут же выскакивали сказочно разодетые шоферы; стоило ему сказать свое «поди ты» – и величественные дворецкие мигом сникали. В ином, более просвещенном мире все, наверно, шло бы по-другому, а тут шоферы сэра Басси относились к мистеру Парэму с явным пренебрежением, точно к какому-то странному пакету, который сэру Басси нравилось посылать то туда, то сюда, и хотя в Бантинкоме, Карфекс-хаусе, Мармион-хаусе и в Хэнгере слуги обходились с мистером Парэмом как с джентльменом, они делали это скорее потому, что их прекрасно вышколили, нежели из уважения к нему. Мистер Парэм не уставал дивиться сэру Басси. Этого человека окружали послушные его воле толпы, но на что они ему, он явно не имел понятия. Он просто-напросто командовал ими. «Будь у меня такая власть, я бы творил чудеса», – не раз думал мистер Парэм.

Сэр Басси, к примеру, мог бы творить историю.

Всю свою жизнь мистер Парэм изучал и толковал историю и философию. Его перу принадлежит несколько исследований, главным образом о Ришелье и его времени, и он постиг этого государственного деятеля с редкостной глубиной; кроме того, он читал специальные курсы по различным проблемам истории; подготовил томик своих эссе; был главным редактором популярной фосдайковской серии «Философия истории», время от времени писал рецензии на выдающиеся научные работы, и эти рецензии (подчас безобразно сокращенные и изуродованные) появлялись в «Империи», «Философском еженедельнике» и «Георгианском обозрении». Мистер Парэм, как никто, умел подать публике новую идею, рожденную кем-то в муках, и тут же искусно, с изящной небрежностью отмахнуться от нее. Человеку, столь любящему историю и философию, было мучительно сознавать, что нынешний хаос никак не вяжется ни с подлинной историей, ни с подлинной философией. Вот мировая война – это история, правда, чрезвычайно жестокая и непристойная, которая никак не укладывается ни в какие рамки; и Версальская конференция – тоже история, только еще больше клонящаяся к упадку. Эту конференцию еще можно рассматривать как столкновение держав, можно говорить о борьбе за «главенство» в мире, тонко и логично разъяснять «политику» того или иного государственного деятеля, того или иного министерства иностранных дел.

Но примерно с 1919 года все пошло вкривь и вкось. Нет уже былой значительности ни в людях, ни в событиях. Разногласия, смешение ценностей предоставили все воле случая. Взять, к примеру, Ллойд Джорджа. Как прикажете его понимать? После такого взлета, как Версальская конференция, естественно было бы предоставить дальнейшее историкам, как и сделал Вудро Вильсон, а до него Линкольн, и Сулла, и Цезарь, и Александр Македонский. Они достигли апогея славы и удалились от дел. Мало-помалу все неблагоприятные подробности их правления забылись, и чем дальше, тем увереннее о них можно было судить с точки зрения истории.

Подлинная сущность происходящего выступила на поверхность явлений, и стала ясна логика событий.

А теперь о чьей мощи может идти речь и каковы движущие силы событий? Перед лицом нынешней неразберихи сей многоопытный историк чувствовал себя точно мастер разделять дичь, которого попросили разрезать суп. Где костяк... хоть какой-нибудь костяк? Человек, подобный сэру Басси, должен был бы принимать участие в великой битве между нуворишами и старой олигархией; он должен бы стать всадником, которого выставляют против патрициев. Он должен бы положить конец избирательной демократии. Он должен бы олицетворять собой новую фазу британской политики – новую империю. А он что делает? Стоит ли он хоть за что-нибудь? Порою мистер Парэм чувствовал, что, если он не добьется, чтобы сэр Басси стал на чью-либо сторону, на сторону чего-либо значительного по существу, по форме и с точки зрения истории, он, Парэм, попросту сойдет с ума.

Конечно, и сейчас все еще продолжают древние, освященные веками исторические процессы, – конечно, продолжают. Как же иначе? В солидных еженедельных и ежемесячных журналах мистер Парэм и его единомышленники авторитетно рассуждали о безопасности и господстве – в Европе, в Азии, в мире финансов. Во всех странах по-прежнему существуют правительства и министерства иностранных дел и, строго придерживаясь правил и заведенного порядка, благопристойно ведут борьбу за мировое главенство. Любые мало-мальски серьезные переговоры между государствами держатся теперь в величайшем секрете. Никогда еще шпионаж не проникал до такой степени во все области жизни, никогда еще эта профессия не представлялась столь почтенной и уважаемой: двойная игра христианской дипломатии решала теперь судьбы всего мира – от Вашингтона до Токио. Великобритания и Франция, Америка, Германия, Москва создавали флоты и армии и с величайшим чувством собственного достоинства продолжали дипломатические переговоры и заключали тайные соглашения друг с другом и друг против друга, словно никогда не бывало дурацкой болтовни о «войне, которая положит конец всем войнам». Большевицкая Москва после встревоживших весь мир первых шагов пошла по стопам царского министерства иностранных дел. Мистер Парэм был совершенно уверен, что если бы ему выпала честь быть вхожим к государственным мужам, таким, как сэр Остин Чемберлен, мистер Уинстон Черчилль или мосье Пуанкаре, и если бы ему довелось пообедать с кем-нибудь из них, то после обеда, когда занавеси задернуты и по сверкающему в свете ламп столу раздумчиво и неторопливо, точно шахматы, передвигают портвейн и сигары, установилась бы такая атмосфера, были бы сказаны такие слова, что на душе у него сразу стало бы тепло и спокойно и он бы вновь обрел былую веру в ту историю, которую он изучал и которой учил других.

Но, несмотря на его живые, несущие знания книги и толковые, а подчас даже значительные статьи, такой случай ему почему-то ни разу не представился.

Он терял почву под ногами, и постепенно в уме его родилась и окрепла странная мысль: будто непрерывность исторического процесса в наши дни лишь видимость, а на самом деле происходит нечто совсем иное, небывалое, не то чтобы грозное, но разрушающее самые основы этой преемственности. Определить, что же именно происходит, чрезвычайно трудно. В сущности, это не что иное, как широко распространившаяся и все растущая беспечность. Вот так

теперь и живут, словно все, что было важного в жизни, стало неважно. А важно стало что-то совсем другое. Для мистера Парэма, в частности, в последние годы всего важнее стал сэр Басси.

Однажды ночью мистер Парэм задал себе вопрос, проникавший в самое сердце его сомнений. Позже он не мог взять в толк, то ли он размечтался, то ли это был ночной кошмар, то ли он в самом деле об этом думал, то ли ему приснилось, что он думал. Допустим – так встал перед ним этот вопрос, – что государственные деятели, дипломаты, правители, профессора экономических наук, военные и военно-морские эксперты и все прочие нынешние наследники истории, вольно или невольно, привели мир к столь запутанному, сложному, опасному положению, когда ноты, ответные ноты, протесты и даже ультиматумы могли не сегодня завтра кончиться объявлением войны из-за того или иного «вопроса». И допустим – о, ужас! – допустим, люди, все люди, в частности сэр Басси, поглядят на все это, скажут: «Поди ты» или «Как вы сказали?» – и тут же забудут об этом. Забудут и вновь займутся своими делами, какими-то пустяками, недостойными называться историей. Что стали бы в этом случае делать наследники истории? Посмели бы солдаты поднять оружие на сэра Басси, посмели бы государственные мужи столкнуть его с дороги? Допустим, он не пожелает, чтобы его столкнули, и воспротивится каким-нибудь своим хитроумным способом. Допустим, он скажет:

– А ну, прекратите все это... живо.

И допустим, что им ничего не останется, как повиноваться!

Что станет тогда с нашим историческим наследием? Что станет с империей, с великими державами, с нашими национальными традициями и политикой? Эта мысль, мысль, будто историческая традиция пошла прахом, была глубоко чужда мистери Парэму, столь чужда, что при трезвом свете дня никогда не пришла бы ему в голову. Там ей явно не на что было опереться, не было идей, к которым она могла бы примкнуть, и, однако, найдя туда дорогу, она продолжала смущать его покой, словно глупая песенка, от которой никак не отвяжешься. «Они не послушаются... когда пробьет час, они не послушаются», – таков был припев этой песенки. Генералы скажут: «Иди», – а народ ответит: «Поди ты!..» И это «поди ты...» победит! Во всяком случае, в ночном кошмаре оно победило. Попробуй после этого разберись в жизни. Хаос!

Но сэр Басси, пожалуй, уцелеет в этом хаосе, думал мистер Парэм, преобразится, быть может, но уцелеет. Отвратительный. Торжествующий.

Тут мистер Парэм очнулся и уже до рассвета не смыкал глаз.

Пытаясь подвигнуть сэра Басси на его роль – важную, хоть и подчиненную роль в нескончаемой драме бытия, – муза Истории может сколько угодно повествовать о возвышении династий, о господстве той или иной державы, об усилении национализма в Македонии, о закате и падении Римской империи, о вековой борьбе ислама и христианского мира, о римском и греческом христианстве, разворачивать волшебный свиток головокругительных деяний Александра, Цезаря и Наполеона, а сэр Басси будет сонно слушать ее рассказ, до которого ему, видно, нет никакого дела, и думать о чем-то своем, недоступном и непостижимом для мистера Парэма, и только и скажет свое «поди ты».

Поди ты!

Нервы у мистера Парэма стали пошаливать...

А тут, вдобавок ко всем его заботам, еще эта нелепая затея со спиритическими сеансами – изволь принимать всерьез этих медиумов и их отвратительные, постыдные и раздражающе необъяснимые действия.

На заре мистер Парэм уже всерьез подумывал о том, чтобы расстаться с сэром Басси. Однако мысль эта не впервые посещала его, а конец был всегда одинаков. Он все-таки пошел на спиритический сеанс, он побывал с сэром Басси на многих сеансах, о чем мы и поведаем на этих страницах в должный срок.

Глава вторая

Рассказывает о том, как познакомились сэр Басси и мистер Парэм

Когда лет пять-шесть назад мистер Парэм впервые встретился с сэром Басси, великий финансист как будто проявлял умеренный, но все же определенный интерес к духовным ценностям.

На обеде без дам, который давал в ресторане Риальто Себрайт Смит, мистер Парэм говорил о Микеланджело и Боттичелли. Обед этот был одной из тех поразительных смесей, как их называл мистер Парэм, которые так удавались Себрайту Смицу, сам же хозяин в узком кругу называл их «побоищем».

Себрайт Смит был вечно перед кем-нибудь в долгу за оказанное ему гостеприимство и относился к своим светским обязанностям весьма легкомысленно; когда же их накапливалось так много, что они начинали его тяготить, он, дабы отделаться, безжалостно обрушивал на друзей и знакомых обеды и завтраки, следовавшие один за другим со скоростью пулеметной очереди. Вот почему он втайне так величал эти сборища. Его ничуть не заботило, если общество оказывалось разношерстное, он верил, что в шампанском можно утопить все споры, а мистер Парэм с его современным либеральным и притом весьма просвещенным умом находил эти пиры восхитительно всеобъемлющими.

Нет лучших слушателей, чем те, которым почему-либо не по себе, и мистер Парэм – бездонный кладезь знаний – дал себе волю. Он так интересно говорил о Боттичелли, что не столь бескорыстный человек сделал бы на его месте из этого книжку и заработал бы фунтов сорок – пятьдесят. Сэр Басси слушал с таким видом, который всякому, кто его не знал, показался бы злобным. На самом же деле, когда он был чем-нибудь заинтересован или поглощен какой-нибудь новой затеей, у него просто опускался левый уголок рта.

Когда дошла очередь до сигар и негритянские певцы запели негритянские духовные гимны, сэр Басси, пользуясь случаем, уселся на один из освободившихся около мистера Парэма стульев.

– Вы разбираетесь в этих вещах? – спросил он, не обращая внимания на исполняемый с большим чувством гимн «Отпусти мой народ».

Мистер Парэм вопросительно поглядел на него.

– В старых мастерах, в искусстве и прочем?

– Меня это интересует, – дружелюбно ответил мистер Парэм с приятной улыбкой, ибо он еще не знал ни имени, ни положения своего собеседника.

– Это могло заинтересовать *меня*, но я занялся другим. Вы когда-нибудь завтракаете в Сити?

– Не часто.

– Если надумаете... ну, скажем, на следующей неделе, позвоните мне в Мармион-хаус.

Название это ничего не сказало мистеру Парэму.

– С удовольствием, – учтиво ответил он.

Сэр Басси, по всей видимости, собрался уходить.

– Насколько я понимаю, – сказал он, задержавшись еще на минутку, – искусство – штука стоящая. Непременно приходите. Я с интересом вас послушал.

Он улыбнулся, искорка обаяния осветила его лицо, но свет тут же погас, и, пока хозяин и певцы шумно договаривались, что исполнять дальше, он исчез.

– Кто этот краснощекий крепыш с волосами щеткой, который так рано ушел? – осведомился позже мистер Парэм у Себрайта Смита.

– Думаете, я знаю всех гостей?

– Но он сидел рядом с вами!

– Ах, *этом!* Это один из наших за-завоевателей, – ответил подвыпивший Себрайт Смит.

– А имя у него есть?

– Еще бы, – сказал Себрайт Смит. – Сэр-Бес-Босс-Басси Куплю-весь-свет-Вудкок. Он из тех, кто скупает что попало. Магазины, дома, фабрики. Имения и кабаки. Каменоломни. Целые отрасли торговли. Он что угодно перекупит. Обстригает дельце, а уж потом товар и к вам попадет. Теперь в Лондоне и ломтика сыра не съешь, пока он не купит и не перепродает его. Железные дороги покупает, отели, кинематографы, предместья, мужчин и женщин, душу и тело. Смотрите, как бы и вас не купил.

– Я не продаюсь.

– Полюбовное соглашение, надо полагать, – сказал Себрайт Смит и, по испуганному и недоумевающему лицу мистера Парэма поняв, что допустил бестактность, постарался ее загладить. – Еще шампанского?

В эту минуту мистер Парэм поймал взгляд одного из своих старых друзей и оставил последние слова хозяина без ответа. По правде сказать, он не видел в этих словах смысла, к тому же Себрайт Смит явно был пьян. Мистер Парэм поднял руку, помахал ею, словно подзывая извозчика, и стал пробираться к приятелю сквозь толпу гостей.

После этого обеда мистер Парэм несколько дней осторожно наводил справки о сэре Басси, заглянул в биографический справочник, где прочел весьма откровенные и при этом довольно стыдливые полстолбца, и решил непременно принять приглашение в Мармион-хаус. Раз сэр Басси желает, чтобы его наставляли по части искусства, надо его наставлять. Не лорд ли Розбери сказал: «Мы должны просвещать наших хозяев»?

Это будет дружеская беседа с глазу на глаз двух свободомыслящих людей, мистер Парэм откроет хозяину дома прекрасный мир искусства и как бы между прочим заговорит о своей мечте, которую лелеет уже долгие годы и которую сэру Басси почти ничего не стоит претворить в великолепную, восхитительную быль.

Мечта, которой суждено было долгие-долгие годы держать мистера Парэма в унижительном для него подчинении у сэра Басси и осуществление которой все откладывалось и откладывалось, был изысканный и авторитетный еженедельник на двух колонках, с солидным заголовком и с ним самим в качестве главного редактора. Это должно быть одно из тех изданий, тираж которых не столь велик, чтобы сделаться достоянием толпы, но которое влияет на общественное мнение и на самый ход истории во всем цивилизованном мире. Журнал этот сравняется со «Зрителем», «Субботним обозрением», «Нацией» и «Новым государственным деятелем» и даже превзойдет их. Печататься в нем будут главным образом мистер Парэм и молодые люди, открытые им и находящиеся под его влиянием. Он будет судить театр жизни, все события, «проблемы», науку, искусство, литературу. Читатель найдет в нем понимание, совет, но при этом без всякой навязчивости. Порою он будет дерзок, порою суров, порою откровенен, но отнюдь не криклив и не вульгарен. Редактор сродни Господу Богу; он и есть Бог, вот только владелец журнала несколько портит дело. Но если хорошо разыграть партию, при известных условиях и в самом деле становишься Господом Богом. И при этом не приходится, подобно Господу Богу, отвечать за грехи и пороки мира, которые видишь. Можешь улыбаться и посмеиваться, что ему не дано, и тебя ни в чем не заподозрят, ведь не ты сотворил мир таким, как он есть.

Писать «Еженедельное обозрение» едва ли не самое большое удовольствие, какое жизнь дарит умному, просвещенному человеку. Ободряешь одни государства, коришь другие. Указываешь на заблуждения России, отмечаешь, что на позапрошлой неделе Германия поняла тебя с полуслова. Разбираешь шаги государственных деятелей, предостерегаешь банкиров и королей бизнеса. Судишь судей. Снисходительно похваливаешь или слегка бранишь бестолко-

вую толпу писак. Отпускаешь комплименты художникам, иногда весьма сомнительные. Скандалисты-репортеры увиваются вокруг тебя, строчат сварливые опровержения и нет-нет да удастаиваются твоего шлепка. Каждую неделю ты создаешь одни репутации и губишь другие. Ты судишь всех, а тебя никто. Ты вещаешь с небес, могущественный, непогрешимый и незримый. Мало кто достоин такого доверия, но мистер Парэм уже давно причислил себя к этим избранныкам. С великим трудом он хранил тайну, жил в ожидании своего журнала, как некогда заточенная в монастырь дева – в ожидании возлюбленного. И вот наконец явился сэр Басси, сэр Басси, которому ничего не стоило вознести мистера Парэма на небеса.

Ему бы только сказать: «Делайте». А уж мистер Парэм знал бы, что делать и как. Сэру Басси представлялась редкостная возможность. Он мог вызвать к жизни бога. У него не было ни знаний, ни способностей, чтобы самому стать богом, но он мог содействовать явлению бога.

Чего только не покупал сэр Басси на своем веку, но, как видно, никогда еще не был одержим мыслью о собственном журнале. И вот час пробил. Пробил час вкусить могущество, силу влияния и осведомленности, бьющие прямо из источника. Из его собственного источника.

Обуреваемый этими мыслями, мистер Парэм впервые отправился завтракать в Мармион-хаус.

Мармион-хаус оказался весьма оживленным местом. Выстроил его сэр Басси. Здесь размещались конторы тридцати восьми компаний, и когда мистер Парэм вошел с Виктория-стрит в просторный подъезд, его совсем затолкали быстроногие конторщики и стенографистки, спешившие перекусить. Переполненный лифт выплескивал пассажиров на каждом этаже, и под конец мистер Парэм остался наедине с мальчиком-лифтером.

Мистеру Парэму предстояла вовсе не та приятная беседа с глазу на глаз, которой он ожидал, когда звонил утром сэру Басси. Он застал сэра Басси в большой столовой, где за длинным столом сидело множество народу, и мистер Парэм сразу распознал в этой публике прихлебателей и подхалимов худшего разбора. Позднее он понял, что среди них были и люди в известной мере почтенные, связанные с той или иной из тридцати восьми компаний, которыми заправлял сэр Басси, – но с первого взгляда об этом никак нельзя было догадаться. По левую руку от сэра Басси сидела бдительная и суровая стенографистка, которая показалась мистеру Парэму чересчур величественной для стенографистки, чересчур элегантно и чинно; были тут и две молоденькие особы, которые держались слишком фамильярно, называли сэра Басси душкой и так усаживались на мистера Парэма, словно он был какой-нибудь иностранец. При дальнейшем знакомстве мистеру Парэму предстояло узнать, что то были нежно любимые сэром Басси племянницы его жены – своих детей у него не было, – но в тот день мистер Парэм принял их бог знает за кого. Ко всему они были еще и сильно подмалеваны. За столом сидел также круглый, как шар, жизнерадостный человек в светлом фланелевом костюме и с вкрадчивым голосом, который вдруг спросил мистера Парэма, не пора ли наконец что-то сделать с Уэстерн-хэнгером, и тут же начал перекидываться какими-то непонятными шуточками с одной из племянниц, предоставив мистеру Парэму гадать, что это за штука Уэстерн-хэнгер. Был здесь еще маленький озабоченный человечек, у которого голова формой до того походила на цилиндр, что даже удивительно, почему он ее не снял, садясь за стол. Как выяснилось, это был сэр Тайтус Ноулз с Харли-стрит. Серьезной беседы за завтраком не вели, только перебрасывались короткими замечаниями. Некий степенный господин, сидевший между сэром Басси и мистером Парэмом, вдруг спросил, не находит ли мистер Парэм, что архитектура города отвратительна.

– Сравните с Нью-Йорком.

Мистер Парэм ответил не сразу.

– Нью-Йорк – другое дело.

Поразмыслив немного, степенный господин сказал, что это, конечно, верно, однако...

Сэр Басси встретил мистера Парэма самой обаятельной своей улыбкой и предложил «садиться, где ему будет угодно». Несколько минут он еще поддразнивал одну из хорошеньких

подмалеванных девиц, которая надеялась в Лондоне поиграть в «настоящий» теннис, а потом погрузился в свои мысли. Один раз у него ни с того ни с сего вырвалось: «Поди ты!»

Завтрак этот ничем не походил на спокойную упорядоченность завтраков в Вест-Энде. Прислуживали трое или четверо молодых лакеев, проворных, но отнюдь не величественных, в белых полотняных куртках. Подавали пудинг с мясом и почками, ростбиф, и перед каждым прибором – на американский манер – стояла тарелочка с сельдереем, а буфет был заставлен холодным мясом во всех видах, фруктовыми тортами, а также всевозможными напитками. На столе стояли сосуды с вином, похожие на чаши. Мистер Парэм рассудил, что скромному ученому и джентльмену пристало пренебречь винами плутократа, и взял кружку пива. Когда с едой покончили, половина гостей разошлась, скрылась и элегантная секретарша, которая уже стала казаться мистери Парэму заслуживающей внимания, а остальные перешли вместе с сэром Басси в просторную гостиную с низким потолком, где их ждали сигары, кофе и ликеры.

– Мы поедем с лордом Тримейном играть в теннис, – хором объявили хорошенькие племянницы.

«Неужели это лорд Тримейн!» – подумал мистер Парэм и, заинтересовавшись, снова поглядел на толстяка. Как-никак бывший член Центрального суда по уголовным делам.

– Если после такого завтрака он станет играть в теннис тяжелыми мячами и тяжелой ракеткой, его хватит удар, – сказал сэр Басси.

– Вы не знаете, сколько пищи я способен поглотить, – отвечив шарообразный джентльмен.

– Выпейте коньяку, Тримейн, выпейте основательно, – предложил сэр Басси.

– Коньяк, – сказал Тримейн проходящему мимо слуге, – двойную порцию коньяка.

– Откройте для его светлости бутылку повыдержаннее, – распорядился сэр Басси.

Итак, это и в самом деле лорд Тримейн! Но как его разнесло! Мистер Парэм уже преподавал в университете, когда впервые увидел лорда Тримейна, на редкость стройного юношу. Он появился в университете, а потом был отчислен. Но то недолгое время, что лорд пробыл в его стенах, он вызывал всеобщее восхищение.

Племянницы с Тримейном отбыли, и сэр Басси подошел к мистери Парэму.

– Вы заняты сегодня днем? – спросил он.

У мистера Парэма не было никаких неотложных дел.

– Поедьте поглядим картины, – предложил сэр Басси. – Есть у меня такое желание. Не возражаете? Вы как будто знаете в них толк.

– Картин такое множество, – с любезно-снисходительной улыбкой ответил мистер Парэм.

– Мы поедем в Национальную галерею. И к Тейту, пожалуй. Академия тоже еще открыта. А если понадобится, и к торговцам заглянем. В общем, осмотрим все, что успеем до вечера. Я хочу получить общее представление. И послушать, что вы обо всем этом скажете.

Пока «роллс-ройс» стремительно и плавно мчал их на запад по оживленным улицам Лондона, сэр Басси пояснил, чего, собственно, он хочет.

– Хочу поглядеть на эту самую живопись, – сказал он, подчеркнув слово «поглядеть». – Про что она? И для чего? Откуда она пошла? И какой в ней толк?

Уголок рта у него опустился, и он впери в лицо собеседника странный взгляд – враждебный и вместе с тем просительный.

Мистер Парэм предпочел бы заранее подготовиться к этой беседе. Он не повернул головы, предоставив сэру Басси созерцать свой профиль.

– Что есть искусство? – произнес он, стараясь выиграть время. – Сложный вопрос.

– Не искусство, просто картины, – поправил сэр Басси.

– Это и есть искусство, – возразил мистер Парэм. – Искусство по самой природе своей. Единое и неделимое.

– Поди ты, – негромко вымолвил сэр Басси и весь обратился в слух.

– Это своего рода квинтэссенция, я полагаю, – пустил пробный шар мистер Парэм. Он неопределенно повел рукой – за эту привычку студенты в свое время дали ему пренеприятное и несправедливое прозвище «Пятерня». Ибо на самом деле руки у него были на редкость хороши. – Художник как бы делает выжимку красоты и прелести из жизненного опыта человека.

– Вот это мы и посмотрим, – перебил его сэр Басси.

– И запечатлевает это. Сохраняет для вечности.

Поразмыслив, сэр Басси снова заговорил. Говорил он так, словно поверял мысли, которые давно уже его мучили.

– А эти художники нам малость не втирают очки? Я подумал... на днях... вот когда вы говорили... Просто пришло в голову...

Мистер Парэм покосился на него.

– Нет, – сказал он неторопливо и рассудительно, – не думаю, чтобы они втирали нам очки. – Последние слова он слегка подчеркнул, чуть-чуть, так что сэр Басси и не заметил.

– Ладно, поглядим.

Так странно начался этот странный день – день в обществе варвара. Но бесспорно, как выразился Себрайт Смит, этот варвар был «одним из наших завоевателей». От этого варвара нельзя просто отмахнуться. У него хватка бульдога. Мистер Парэм был застигнут врасплох. Чем дальше, тем больше он жалел, что не имел возможности заблаговременно подготовиться к навязанной ему беседе. Тогда он заранее подобрал бы картины и показал их в надлежащем порядке. А теперь пришлось действовать наудачу, и вместо того, чтобы вести бой за искусство, за его волшебство и величие, мистер Парэм оказался в положении полководца, вынужденного сражаться с врагом, который уже ворвался в его лагерь. Где уж тут излагать свои мысли стройно и последовательно.

Насколько мог понять мистер Парэм по отрывочным и безграмотным речам сэра Басси, он был настроен пытливо и недоверчиво. Он оказался человеком крайне неразвитым, но обладал при этом недюжинным природным умом. Как видно, на него произвело впечатление, что все умные люди, люди со вкусом глубоко чтят имена великих живописцев, и он не понимал, почему их вознесли так высоко. И хотел, чтобы ему это объяснили. Его явно одолевало любопытство. Сегодня его занимали Микеланджело и Тициан. А завтра, быть может, он станет спрашивать о Бетховене или Шекспире. Авторитеты не внушали ему никакого почтения, он их не признавал. О величии искусства с ним приходилось говорить так, словно оно не заслужило признания и восторгов многих поколений.

Сэр Басси так уверенно и стремительно поднялся по лестнице Национальной галереи, что мистеру Парэму подумалось, уж не побывал ли он здесь раньше. Первым делом он направился к итальянцам.

– Ну, вот и картины, – сказал он, проносясь по залам, и немного замедлил шаг лишь в самом большом. – Очень даже интересные и занятные. Почти все. Многие очень яркие. Могли бы быть и поярче, но глаз, по-моему, ни одна не режет. Эти ребята, видно, малевали в свое удовольствие. Все это так. Я бы не прочь понавешать их в Карфекс-хаусе, да и сам бы не отказался немного помахать кистью. Но когда меня начинают уверять, будто тут кроется что-то еще, и эдак молитвенно понижают голос, словно эти самые художники знают что-то особенное о Царствии Небесном и теперь открывают нам секрет, тут я вас не понимаю. Хоть убей, не понимаю.

– Но посмотрите хотя бы на эту картину Франчески, – сказал мистер Парэм. – Какое очарование, какая нежность... она поистине божественна.

– Очарование, нежность! Божественно! Да возьмите вы весенний день в Англии, или перышки на груди фазана, или краски на закате, или кувшин с цветами на окошке в утреннем

свете. Уж, конечно, все это в сто раз очаровательней и нежней и все такое прочее, чем этот – этот маринованный хлам.

– Маринованный! – Мистер Парэм был сбит с ног.

– Ну, маринованная прелесть, – вызывающе сказал сэр Басси. – Маринованная красота, если угодно... А очень многое и не так уж красиво и не так уж расчудесно замариновано. А все эти Мадонны, – продолжал пинать поверженного мистера Парэма сэр Басси, – они по доброй воле их рисовали или их заставляли? Да кому это понравится женщина, когда она вот этак восседает на троне?

– Маринованные! – Мистер Парэм был вне себя. – О нет!

Тут сэр Басси весь обратился в слух, опустил уголок рта и повернул голову, чтобы лучше слышать мистера Парэма.

Мистер Парэм пошарил рукой в воздухе и наконец поймал нужное слово.

– Избранные.

Он секунду помолчал.

– Избранные и запечатленные, – уточнил он. – Художники всматривались в мир, всматривались всем своим существом. Всем талантом. Они рождены, чтобы видеть. И они старались... и, я думаю, с успехом... закрепить самые сильные свои впечатления ради нас с вами. Для них Мадонна часто была... обычно была... лишь предлогом...

Рот сэра Басси принял свое более привычное положение, и он с известным уважением снова поглядел на картины. Нельзя не поглядеть на них еще раз, услышав такой довод. Он смотрел испытующе, но недолго.

– Вот эта штука... – начал он, возвращаясь к картине, с которой начался разговор.

– «Крещение» Франчески, – благоговейно прошептал мистер Парэм.

– По-моему, не такое уж это все избранное, просто собрано с бору по сосенке. Взял да нарисовал все, что ему нравилось. Фон приятный, но это только потому, что напоминает разные знакомые вещи. Нет, я не собираюсь падать перед этой картиной на колени и молиться на нее. Да почти все... – он, кажется, имел в виду всю Национальную галерею, – картины как картины.

– Не могу с вами согласиться, – возразил мистер Парэм. – Никак не могу.

Он заговорил о полутонах Филиппо Липпи, об окрыленности, изяществе, классической красоте Боттичелли; говорил о богатстве красок Леонардо, о его совершенном знании человеческого тела, о виртуозном мастерстве и в заключение – о бесконечной величавости его Мадонны в гроте.

– Как таинственно это тишайшее, осененное тенью женское лицо, сколько кроткой мудрости в сосредоточенном взоре ангела! – воскликнул мистер Парэм. – Картины как картины! Да ведь это откровение!

– Поди ты, – сказал сэр Басси, склонив голову набок.

Мистер Парэм вел его от картины к картине, точно упрямого ребенка.

– Я не говорю, что это плохо, – повторял сэр Басси, – и не говорю, что это скучно, но я никак не пойму, почему это надо так превозносить. Это напоминает разные вещи, но вещи-то принадлежат нам. Вообще говоря, – и он снова окинул взглядом зал, – я не спорю, это ловко, тонко сработано, но, хоть убейте, не вижу, что тут божественного.

Потом сделал довольно неуклюжую уступку культуре.

– Конечно, глаза постепенно привыкают, – сказал он. – Вроде как в темноте в кино.

Однако было бы утомительно пересказывать все его дикарские замечания о прекрасных полотнах, ставших самым драгоценным нашим наследием. Он сказал, что Рафаэль «уж больно жеманный», Эль Греко его возмутил.

– Византийская пышность, – повторил он слова мистера Парэма. – Да это все равно что отражение в кривом зеркале.

Но при виде тинтореттовского «Начала Млечного Пути» он чуть не захлопал в ладоши.
– Поди ты, – обрадовался он. – Вот это да! Неприлично, зато здорово.

И снова повернулся к картине.

Напрасно мистер Парэм старался провести его мимо Венеры.

– Это кто рисовал? – спросил он, словно подозревал, что это дело рук мистера Парэма.

– Веласкес.

– Ну, вот скажите мне: взять эту штуку и хорошую большую раскрашенную фотографию голый бабы в соблазнительной позе, – не все ли равно?

Мистер Парэм стеснялся обсуждать столь нескромный предмет в общественном месте, во всеуслышание! Но сэр Басси, может быть, того и не сознавая, смотрел, как всегда, угрожающе и требовательно, и не ответить ему было немислимо.

– Это совсем разные вещи. Фотография конкретна, на ней запечатлен факт, отдельный человек, какая-то определенная женщина. Здесь же красота, удлиненные восхитительные линии стройного тела – лишь повод для художника в совершенной форме выразить свой идеал. Это уже не тело, а идея тела. Нечто отвлеченное, очищенное от недостатков и изъянов реально существующей женщины.

– Чуть! Эта девочка очень даже реальна... никто мимо не пройдет.

– Я с вами не согласен. Совершенно не согласен.

– Поди ты! Да я не против этой картины, я только не пойму, при чем тут всякие ваши идеи и отвлеченности. Мне она нравится, не меньше, чем этому Тинторетто. Так ведь молодая, хорошенькая женщина, да еще нагишом, хороша всегда и везде, особенно если вы в настроении. С какой же стати сажать за решетку несчастного уличного торговца непристойными открытками – ведь он продает то же самое, что здесь может видеть каждый, и фотографии с этих картин тоже продаются при входе. Я не против искусства, только уж больно оно задается. Как будто его пригласили отобедать в Букингемском дворце, и оно после этого перестало кланяться своим бедным родственникам, а они ничем его не хуже.

Мистер Парэм двинулся дальше, и лицо у него было такое, словно их спор кончился пренеприятнейшим образом.

– Интересно, успеем ли мы заехать к Тейту, – заметил он. – Там вы посмотрите Британскую школу и малоизвестную буйную молодежь. – Он не удержался от тонкой, едва уловимой насмешки. – Их картины новее. Вам они, наверно, покажутся ярче, а потому больше понравятся.

И они поехали в галерею Тейта. Но сэр Басси не сказал там ничего нового ни против искусства, ни за него. Он лишь заявил, что мистер Джон Огастес «большой нахал». Когда они выходили, он, казалось, что-то обдумывал и наконец высказался, – это, видимо, был созревший ответ на вопрос, который он задумал разрешить сегодня днем:

– Не вижу я, чтобы эта самая живопись к чему-нибудь вела. Нет, не вижу. Никакое она не открытие и не спасение. Говорят, она вроде как выход из нашего проклятого мира. Так что ж, верно это?

– Искусство придало смысл и радость существованию тысяч... несметному множеству людей, живущих тихой, созерцательной жизнью.

– На то есть крикет, – возразил сэр Басси.

Мистер Парэм не нашелся, что ответить. Минутами ему казалось, что день пропал зря. Он делал все, что мог, но он столкнулся с умом неразвитым, упрямым и неподатливым и чувствовал, что бессилён внушить ему правильное понятие об искусстве. Они молча стали рядом, озаренные лучами заходящего солнца, и ожидали, пока шофер сэра Басси заметит их и подаст машину. «Этому плутократу меня не понять, – думал мистер Парэм, – не понять ему целей истинной цивилизации, и не станет он финансировать мой журнал. Надо быть любезным и улыбаться, как подобает джентльмену, но напрасно я терял время и возлагал на него надежды».

Однако в машине сэр Басси, против всяких ожиданий, стал горячо благодарить его, и мистер Парэм решил, что рано падать духом.

– Что ж, – сказал сэр Басси, – сегодняшний день мне очень много дал. Мы великолепно провели время. Мне было с вами интересно. Я запомню все, что вы мне наговорили про это самое искусство. Мы не зря ходили. Мы смотрели во все глаза. Похоже, что я вас понял. Нет, в самом деле. В тот вечер я сказал себе: «Непременно надо понять этого малого. Он занятный». Надеюсь, это начало, и я еще много раз буду иметь удовольствие видеть вас и понимать... Хорошеньких женщин любите?

– А?

– Хорошеньких женщин, говорю, любите?

– Все мы люди грешные, – сказал мистер Парэм тоном чистосердечного признания.

– Буду рад видеть вас в «Савое». В следующий четверг. Я там даю ужин и все прочее.

Приглашены все звезды лондонской сцены. И можно будет с ними потанцевать.

– Я не танцую, представьте.

– Я тоже. Но вам-то надо бы научиться. У вас ноги подходящие – длинные. А то сядем в уголке, и вы мне расскажете что-нибудь про женщин. Вот как про искусство рассказывали. Я человек занятой, но мне всегда хотелось знать побольше. А как заскучаете, ведите кого-нибудь к столу. Желających поужинать всегда сколько угодно. И водите их снова, и снова, и снова, как сказано в стишках. Еды и питья на всех хватит.

Глава третья

Мистер Парэм среди веселящихся богачей

Мистеру Парэму еще не было ясно, станет ли он редактором журнала, но зато ему было совершенно ясно, что он вполне может стать своего рода наставником сэра Басси. Какого именно рода наставником, судить пока было рано. Если представить себе Сократа высоким, с правильными чертами лица, а Алкивиада коротеньким и энергичным и если предположить, что вместо неудачного похода на Сиракузы по мудрому совету было мастерски осуществлено объединение Греции; если, разумеется, оставить от этой параллели едва уловимый, но все же явственный намек, вы получите некоторое представление о тайных надеждах мистера Парэма. Но, пожалуй, еще верней было бы сослаться на Аристотеля и Александра. Одно из бесчисленных преимуществ истинно классического образования – что вы никогда не чувствуете необходимости видеть простую и грубую природу человеческих отношений, да и не можете ее увидеть: вы неизменно приукрашиваете обступающую вас прозу жизни. Вам изменяет чувство времени, в событиях вы воспринимаете лишь то, что напоминает затверженные вами уроки истории.

На вечере в «Савое» мистер Парэм впервые увидел, с каким размахом сэр Басси тратит свои деньги. Они текли рекой, таким широким, могучим, полноводным потоком, что человек заурядный был бы поражен до немоты, и даже мистер Парэм поймал себя на том, что подсчитывает и прикидывает, во что обошелся этот вечер его новому знакомцу. По всему выходило, что на эти деньги можно было бы года три, а то и больше выпускать первоклассный еженедельник.

Мистер Парэм считал своим долгом показываться на людях хорошо одетым, в строгом согласии с правилами приличия. Он не признавал «неподсудность духовенства светскому суду» – эту вечную отговорку эрудитов и ученых, позволяющую им надевать в торжественных случаях низкие, отложные воротнички и являться на балы в старомодных смокингах. Куда важнее, полагал он, дать людям понять, что, если нужно, философ ни в чем не уступит светскому человеку. Высокий рост позволял ему носить костюмы изысканно свободного покроя, почти в стиле лорда Бальфура, и он хорошо знал, что черты лица у него тонкие и правильные и, уж во всяком случае, он далеко не урод. В руках у него был несколько старомодный по нынешним неряшливым временам шапокляк, и это сдерживало его страсть размахивать пресловутой «пятерней», а изящная золотая цепочка явно досталась ему по наследству.

Весь «Савой» в этот вечер принадлежал сэру Басси. Вся прислуга была в его распоряжении. В серых бархатных штанах и желтых жилетах они походили на слуг в родовом поместье. В гардеробной мистер Парэм застал сэра Тайтуса Ноулза, который в эту минуту скинул широкий плащ и, сняв крохотную черную шляпу, открыл непомерно высокий лоб.

– Приветствую! – сказал сэр Тайтус. – И *вы* здесь!

– Как видите, – ответил мистер Парэм, решив не обижаться.

– А-а, – протянул сэр Тайтус.

– Без номерка, сэр Тайтус, – сказал гардеробщик. – Мы вас и так знаем, сэр.

И сэр Тайтус удалился, небрежно улыбувшись.

А мистер Парэм сдал пальто и получил номерок.

Он медленно прошествовал мимо мужчин, поджидавших своих спутниц, к великолепной толпе гостей, – тут были очаровательные дамы в самых что ни на есть дорогих туалетах, с ослепительными руками, плечами и спинами, и немало джентльменов на все вкусы. Все говорили разом – казалось, порывами налетает ветер и шелестит жестяной листвою. Прием был в полном разгаре. Неожиданно появился сэр Басси.

– Чудесно, – сказал он со вкусом. – Нам надо поговорить. Вы знаете Помэндер Пул? Ей до смерти хочется с вами познакомиться.

Тут он исчез, и в этот вечер мистеру Парэму удалось лишь два-три раза перебраться с ним несколькими словами, хотя он все время видел его то там, то здесь, иногда хмуро-деловитого, иногда изображающего на лице необыкновенную веселость.

Знакомство с мисс Помэндер Пул началось с того, что она очень серьезно спросила, как его зовут, о чем сэр Басси в спешке или по забывчивости не сказал ей.

– Фамилия человека, с которым вам до смерти хотелось познакомиться, – Парэм, – сказал мистер Парэм и улыбнулся одной из самых ослепительных своих улыбок, выставив на всеобщее обозрение все свои великолепные зубы, за исключением, разумеется, крайних коренных.

– Басси сегодня скачет, прямо как блоха, – сказала мисс Помэндер Пул. – Его надо бы назвать Странствующий рыцарь. Или Крошка Грааль. Уже шесть человек ищут его по всему дому – я сама видела.

Она была темноволосая, красивая, с глазами мученицы и фигурой более пышной, чем полагалось по моде. Голос у нее был глубокий, звучный.

– Чего ради он устраивает эти вечера, – сказала она со вздохом, оглядев зал, – просто ума не приложу, – и замолчала, давая понять, что теперь его очередь поддержать беседу.

Мистер Парэм замешкался. Имя Помэндер Пул было ему хорошо знакомо, но он не мог связать его ни с книгами, ни с газетными статьями, ни с пьесами, ни с картинами, ни со скандалами или светскими сплетнями, ни с музыкальными ревью, а без этого ему трудно было вести легкую, занимательную, непринужденную беседу, развлекать собеседницу, как положено философу, пожелавшему быть сегодня светским человеком. Пришлось начать с полувопроса.

– Я знаком с хозяином дома совсем недавно, – сказал мистер Парэм, явно ожидая каких-нибудь пояснений.

– Он не существует, – ответила Помэндер Пул.

Как видно, мы желаем сверкать остроумием. Что ж, мистер Парэм умел ловить мячи на лету.

– Мы уже встречали нечто подобное, – заверил он.

Но она словно бы и не слыхала.

– Он не существует, – повторила она со вздохом. – Поэтому никто не может его найти, да он и сам себя никак не найдет. Он то и дело переворачивает постель, все ищет самого себя, но без всякого толку.

Что и говорить, остроумная оказалась дама!

– Зато он находит богатство, – сказал мистер Парэм.

– Природа не терпит пустоты, – устало произнесла она с видом человека, который в тысячный раз повторяет знакомую истину. Мрачными красивыми глазами она оглядывала зал, будто искала кого-нибудь, кто освободил бы ее от мистера Парэма.

– Сегодня пустота заполнена интересными людьми.

– Я почти никого из них не знаю.

– Но я-то недостаточно светский человек, и мне они кажутся интересными.

– А я достаточно знаю свет, чтобы ничего от них не ждать.

Снова наступило неловкое молчание. Мистеру Парэму хотелось, чтобы она провалилась в тартарары, а на ее месте оказался бы кто-нибудь попроще. Но на этот раз положение спасла она.

– Ужинать, пожалуй, еще рано, – сказала она. – Где это у них там стол накрыт? На этих пустопорожних вечерах ощущаешь необычайную пустоту внутри.

– Что ж, тогда займемся поисками, – предложил мистер Парэм, снова изображая на лице улыбку: хочешь не хочешь, придется позаботиться о даме.

– По-моему, я слушала ваши лекции в Королевском обществе, – начала Помэндер Пул.

– Никогда не читал там, – ответил мистер Парэм.

– Я вас там видела. Даже двоих-троих сразу. Вы ведь ученый.

– Я гуманитарий, сударыня. Занимаюсь чистой наукой и предан кое-каким старым, испытанным идеям, точно любимой трубке, никогда с ними не расстаюсь, ну, и указательный палец у меня всегда в чернилах.

Это у него вышло недурно. Мисс Пул поглядела на него так, словно впервые его увидела. В глазах ее блеснула искра интереса, но тотчас погасла, заслоненная другими мыслями.

Говоря, что мистер Парэм взял на себя заботы о своей даме и отыскал зал, где ужинали, мы несколько преувеличили. Так хотел бы это изобразить мистер Парэм. На самом же деле, когда они прокладывали дорогу сквозь сверкающие толпы, она неслась как одержимая, опережая его то на два шага, а то и на все шесть. В зале уже с шумом и превеликим усердием принялись за ужин, и мисс Пул, шедшую впереди Парэма, окликнули какие-то ее знакомые, которые не просто ужинали, а, судя по всему, наедались впрок.

– Чем порадуете нас сегодня, Помэндер? – крикнул красивый молодой человек, и, даже не попытавшись представить мистера Парэма, она оказалась в центре этого кружка.

– Подозреваю, что Басси не существует в природе, – ответила мисс Пул, – но жажду вкусить от его щедрот.

– Вы с ним в таких же отношениях, как нынешние христиане с Господом Богом, – бросил кто-то.

Мистер Парэм стороной обошел этот кружок и приблизился к столу, накрытому сияющей скатертью. Стол ломился от яств, а из вин было, кажется, одно лишь шампанское в стеклянных графинах. Он хотел принести мисс Пул вина, но кто-то его уже опередил, и он выпил сам, притворяясь, будто участвует в разговоре с ее приятелями, чьи спины ему приходилось созерцать, изображал на лице оживление и с самым беззаботным видом съел несколько сэндвичей с курятиной. Мисс Пул заметно повеселела. Без всякой видимой причины она сэндвичем с паптетом шлепнула по щеке рослого толстяка еврея. Может быть, он ей нравился. Или она просто расшалилась. Она навела разговор на сэра Басси, вновь изобразила, как он переворачивает постель в поисках самого себя, и взрыв буйного восторга был ей наградой. В разгар оравации невысокий белобрысый юнец весьма предупредительно обернулся к мистру Парэму, повторил ему остроумную выдумку и тотчас забыл о его существовании.

Мистер Парэм пытался не замечать, что этот кружок изверг его, как сказал бы любитель физиологических терминов Олдос Хаксли, но не чувствовать этого не мог, и только было решил подбодрить себя вторым бокалом шампанского, как увидел рядом сэра Тайтуса Ноулза, на которого кружок веселой молодежи тоже явно не желал обращать внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.